

Лоти Пьер

Иерусалим
Дневник путешествия

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
П96

П96 **Пьер Л.**
Иерусалим: Дневник путешествия / Лоти Пьер – М.: Книга по Требованию, 2023. – 106 с.

ISBN 978-5-519-93946-1

ISBN 978-5-519-93946-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

таго, защитника этого мѣста. Къ вечеру солнце, которое сильно палило весь день, задергивается печальной дымкой и представляется безцвѣтнымъ, бѣлымъ дискомъ. Тогда мы соображаемъ, какъ много мы прошли по направленію къ сѣверу.

Въ то же время мы выходимъ изъ этихъ зеленыхъ полей и вступаемъ въ гористую мѣстность. Вскорѣ долина Бейтъ-Джибринь открывается передъ нами. Это поистинѣ обѣтованная земля, гдѣ текутъ рѣки „млека и меда“. Это зеленый коверъ чуднаго весенняго цвѣта между холмовъ, покрытыхъ другою роскошно-темною зеленою могучихъ и гордыхъ оливъ. Вы ступаете по густой травѣ, усѣянной красными анемонами, лиловыми ирисами и розовыми циклонами. Долина полна аромата цвѣтовъ, а въ срединѣ блеститъ озерко, у котораго въ эту минуту стадо овецъ и козъ утоляетъ жажду.

На одномъ ихъ холмовъ расположено маленькое арабское селеніе Бейтъ-Джибринь, куда на ночь загоняютъ весь этотъ безчисленный скотъ. Между тѣмъ наши палатки располагаютъ на мягкой цвѣтистой травѣ и мимо насъ проходитъ нескончаемая вереница коровъ, быковъ и овецъ, которыхъ гонятъ за земляную изгородь пастухи въ длинныхъ одеждахъ и чалмахъ, похожіе на ветхозавѣтныхъ святыхъ и пророковъ. Маленькія дѣти идутъ позади, бережно неся на рукахъ новорожденныхъ ягнятъ. Последними за этой стѣнкой изъ сухой земли исчезаютъ сотни черныхъ, какъ вороново крыло, козъ, подвигающихся плотною массою и безконечною вереницею. Престо невѣроятно, какъ много скота можетъ вмѣстить въ себѣ эта деревушка Бейтъ-Джибринь. Здоровый запахъ хлѣва, при проходѣ всѣхъ этихъ животныхъ, смѣшивается съ ароматомъ луговъ. Вы видите здѣсь пастушескую жизнь древнихъ народовъ во всей ея простотѣ и во всемъ ея величіи.

III.

Вторникъ, 27 марта.

Около двухъ часовъ утра, когда ночь простираетъ свою густую тѣнь надъ этой страной деревьевъ и луговъ, долгіе, пѣвучіе, чрезвычайно жалобные крики раздаются изъ Бейтъ-Джибрина, проносятся надъ нами и летятъ вдаль надъ сонными и свѣжими полями: это экзальтированный призывъ къ молитвѣ, напоминающій людямъ ихъ ничтожество и смерть. Муэззины—они же и пастухи,—стоя на крышахъ своихъ землянокъ, докуютъ всѣ вмѣстѣ канономъ и фугой, и

вѣчно раздаются мрачныя имена Аллаха и Магомета въ этой землѣ Библии и Христа.

Мы поднимаемся въ тотъ ранній часъ, когда стада выходятъ на луга. Дождь, благодѣтельный дождь, невѣдомый въ пустынѣ, барабанитъ по нашимъ палаткамъ и обильно орошаетъ тотъ эдемъ зелени, среди котораго мы находимся.

Шейхъ долины приходитъ и извиняется, что вчера вечеромъ задержался въ отдаленныхъ лугахъ, гдѣ пасутся его стада. Мы поднимаемся съ нимъ къ селенію, несмотря на дождь, ступая по высокой, мокрой травой, среди ирисовъ и анемоновъ, нагибающихъ головки подъ нашими бурнусами.

Въ этой странѣ, близъ деревней Газы и древняго Геброна, Бейтъ-Джибринъ, которому не болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, можетъ считаться очень молодымъ мѣстечкомъ. Это Бетагобрида Птолемея, Элевтерополисъ Септимія Севера и затѣмъ епископство время крестовыхъ походовъ.

Теперь безпощадное пророчество Библии исполнилось надъ нимъ, какъ и надъ всеми городами Палестины и Идумеи, и Бейтъ-Джибринъ представляетъ безконечно печальный видъ подъ этимъ роскошнымъ ковромъ дикихъ цвѣтовъ. Ничего не осталось, кромѣ пастушечьихъ хижинъ, хлѣбовъ, земляныя крыши которыхъ сплошь поросли красными анемонами, остатковъ могучихъ укрѣпленій, заросшихъ травой; подъ землей и камнями, подъ колючимъ кустарникомъ и алатоцвѣтомъ видны слѣды собора, гдѣ служили обѣдню епископы-крестоносцы: бѣлыя мраморныя колонны съ коринѣскими капителями; корабль храма въ послѣдней степени разрушенія даетъ пріютъ бедуинамъ и ихъ козамъ.

Часъ еще ранній, когда мы садимся на коней, чтобы начать нашъ дневной путь подъ сѣрымъ, облачнымъ небомъ, съ котораго однако дождь пересталъ лить. Подымаясь по склону высокаго плоскогорья Іудеи, мы до полудня идемъ по цвѣтистымъ тропинкамъ, среди полей ячменя, и цѣпи холмовъ, покрытыхъ оливковыми рощами съ сѣрыми вѣтвями и темной листвою.

Такъ же какъ въ пустынѣ во время полуденной стоянки насъ обгоняетъ караванъ съ нашимъ багажемъ и палатками. Но этотъ караванъ совсѣмъ не похожъ на тотъ: по зеленымъ тропинкамъ двигается вереница муловъ, которыхъ ведутъ сирійцы съ открытыми лицами и

которые идутъ подъ тактъ колокольчиковъ, побрякивающихъ на шеѣ. Впереди идетъ мулъ-вожакъ, самый красивый и самый смысленный изъ каравана, въ уздечкѣ, украшенной бисеромъ и раковинами съ большимъ колокольчикомъ, звону котораго какъ-бы послушно слѣдуютъ остальные.

По мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся, склоны становятся круче и скалистѣе; ячмень окончательно уступаетъ мѣсто колючимъ кустарникамъ и златоцвѣту.

Около трехъ часовъ дня, по выходѣ изъ глубокаго ущелья, передъ нами вдругъ открывается необозримый кругозоръ. Позади насъ и подъ нашими ногами—равнины Газы, роскошь полей, разстилающихся какъ зеленое море, а на самомъ краю горизонта полоска той пустыни, черезъ которую мы прошли и которая теперь въ послѣдній разъ представляется нашимъ глазамъ въ видѣ блѣдно-розовой дали. Передъ нами совсѣмъ иная страна: до туманныхъ вершинъ Моаба поднимаются сѣрыя каменные глыбы, воздѣланныя руками человѣческими; эти террасы, тянущіяся безъ конца одна надъ другой—виноградники Геброна, воздѣлываемые со временъ патриарховъ.

Они безъ листьевъ, такъ какъ апрѣль еще не начинался. Ихъ громадныя лозы извиваются по землѣ, какъ змѣи, и не мѣняютъ общаго колорита пейзажа. Мѣстность представляется печальной, каменной; лишь кое гдѣ маслина показываетъ пучокъ своей темной листвы.

А тамъ, подобно длинной, бѣлой лентѣ, къ которой ведетъ наша тропинка, извивается дорога, настоящая европейская дорога, убитая камнемъ и покрытая пылью. Въ эту минуту по ней проѣзжаютъ два экипажа! Мы смотримъ на нихъ съ изумленіемъ дикарей.

Это дорога, ведущая въ Іерусалимъ, по которой поѣдемъ и мы. Она спускается въ Геброну между стѣнъ, окружающихъ виноградники и фиговые рощи. Какъ будто даже пріятно найти снова это удобство послѣ столькихъ толчковъ по камнямъ и острымъ скаламъ, послѣ опасныхъ тропинокъ по краямъ пропастей, тропинокъ, по которымъ мы болѣе мѣсяца не переставали слѣдить за каждымъ шагомъ нашихъ животныхъ.

Мимо насъ проѣзжаютъ еще два экипажа съ шумными туристами агентства Куэ: мужчины въ пробковыхъ каскахъ, толстыя женщины

въ картузахъ съ зелеными вуалями. Мы не ожидали встрѣтиться съ ними. Наша религізная мечта, болѣе еще, чѣмъ представленіе о востокѣ, оскорблена этой встрѣчей.

О, ихъ вкрики, ихъ хохоть и болтовня на этой святой землѣ, куда мы пришли смиренно и вдумчиво по древнему пути пророковъ! Къ счастью экипажи мчатся быстро. Они торопятся проѣхать до ночи Гебронъ, гдѣ нѣтъ гостиницъ, такъ какъ Гебронъ остался однимъ изъ наиболѣе фанатичныхъ мусульманскихъ городовъ Палестины и не соглашается принимать подъ свой кровъ христіанъ.

Между каменистыми холмами, покрытыми рядомъ террасъ съ виноградниками, начинается Гебронъ, построенный изъ того же матеріала, какъ и безконечныя, тянущіяся по всей странѣ стѣны. Это кубическія каменные массы съ каменными же крышами, всѣ совершенно одинаковыя съ одинаковыми маленькими окнами, оканчивающимися полукругомъ и расположенными попарно; въ общемъ что-то рѣзкое и жесткое, изумляющее абсолютнымъ однообразіемъ контуровъ и красокъ; съ пятью-шестью возвышающимися надъ всѣмъ минаретами.

Мы, по обычаю, располагаемся у воротъ города при дорогѣ, въ мѣстѣ, гдѣ растетъ нѣсколько маслинъ. Такъ какъ наши мулы пришли немногимъ раньше насъ, то мы присутствуемъ при разгрузкѣ ихъ и расположеніи кочевья посреди цѣлой толпы зрителей, молчаливыхъ мусульманъ и евреевъ въ длинныхъ одеждахъ.

Послѣ того какъ раскинуты палатки на ночевку, остается еще часъ до окончательныхъ сумерекъ. Солнце стоитъ низко и золотитъ въ эту минуту однообразно-сѣрыя массы Геброна и его окрестностей, всѣ эти сѣрыя кубическія глыбы, составляющія городъ, и безконечныя каменные стѣны, тянущіяся по горамъ.

Мы пѣшкомъ поднимаемся къ большой мечети, непроницаемая подземелья которой скрываютъ подлинныя гробницы Авраама, Сарры, Исаака и Иакова.

Арабы и евреи толпятся на улицахъ, и ихъ яркія одежды рѣзко выдѣляются на безцвѣтныхъ каменныхъ стѣнахъ, не покрытыхъ ни известью, ни краской. Нѣкоторые дома кажутся древними, какъ древніе патріархи; другіе же совсѣмъ новыя, едва оконченныя; но всѣ оди-

наковы: тѣ же массивныя стѣны, способныя выдержать цѣлыя вѣка, та же кубическая форма и тѣ же маленькія, всегда парныя, окошечки. Въ этомъ ансамблѣ нѣтъ никакой дисгармоніи; Гебронъ одинъ изъ немногихъ древнихъ городовъ, не испорченныхъ современными или чужеземными постройками. Базаръ, расположенный подъ каменными сводами съ небольшими, узкими и рѣшетчатыми просвѣтами, начинаетъ уже закрывать свои лавочки. На выставкѣ вывѣшены бурнусы и женскія платья, сбруя и бисерные наголовники для верблюдовъ, множество стеклянныхъ бусъ, браслетовъ и ожерелій. Это все мѣстное гебронское издѣліе, производящееся здѣсь съ самыхъ отдаленныхъ временъ. На базарѣ почти ничего не видно, — вы ходите среди облаковъ пыли, запаха пряностей, амбры; вы скользите по старымъ плитамъ, потертымъ въ продолженіе вѣковъ туфлями и голыми ногами мусульманъ и евреевъ.

Дорога къ мечети ведетъ черезъ узенькія улицы, на которыя открываются двери тысячелѣтнихъ домовъ, украшенныхъ безформенными остатками надписей и скульптуры. Среди этихъ сумерекъ вы ясно чувствуете, что всѣ предметы пропитаны таинственностью, вамъ дѣлается жутко при мысли о тѣхъ неисчислимыхъ вѣкахъ, которые давятъ на эти камни, на этотъ городъ, относящійся къ событіямъ священной исторіи легендарныхъ временъ Израиля. Сколько открытій могли бы дать намъ раскопки этой старой почвы, если бы все это не было подъ такой непроницаемой, враждебной охраной...

Выйдя изъ темныхъ узенькихъ улицъ, тянущихся подъ сводами, мы снова видимъ золотистый свѣтъ заходящаго солнца и подходимъ къ мечети Авраама. Мечеть стоитъ на серединѣ склона холма и глубоко врѣзывается въ его почву. Подъ своей мрачной сѣнью она скрываетъ тайну этой двойной гробницы Махнела, гдѣ уже въ теченіе четырехъ тысячелѣтій покоится патріархъ со своими сыновьями.

Крестоносцы послѣдними сходили въ эти гробницы; теперь же входъ туда воспрещенъ даже мусульманамъ. Евреи а также и христіане не могутъ проникнуть туда ни хитростью, ни силой, ни подкупомъ; и, когда, лѣтъ двадцать тому назадъ, пещера эта открылась, по приказанію султана, для принца Уэльскаго, гебронское населеніе чуть не взялось за оружіе.

Путешественники и паломники могутъ только обойти кругомъ священное мѣсто по особенной дорогѣ, ведущей между двумя высокими

стѣнами. Фундаментъ зданія состоитъ изъ гигантскихъ камней цѣлопического вида и былъ положенъ царемъ Давидомъ. Этой, почти вѣчной, постройкѣ было уже около двухъ тысячъ лѣтъ, когда арабы продолжили ее кверху и построили зубчатые стѣны нынѣшней, уже весьма древней мечети. Внизу зданія, почти въ уровень съ землей, есть щель, черезъ которую христіанамъ и евреямъ позволяется, стоя на четверенькахъ, просовывать голову, чтобы прикладываться къ священнымъ плитамъ. И, вотъ, мы видимъ, какъ бѣдные паломники-евреи, лежа на землѣ, вытягиваютъ шею, стараясь достать губами гробницу своего патріарха, тогда какъ хорошенькіе и шаловливые арабскіе ребяташки, имѣющіе свободный входъ въ мечеть, презрительно смотрятъ на нихъ и смѣются надъ ними. Края этой щели въ продолженіе вѣковъ истерты-столькими руками, столькими головами и волосами, что сдѣлались гладкими и блестятъ жирнымъ блескомъ. Да и всѣ камни ограды Давида блестятъ жиромъ, вслѣдствіе непрерывнаго прикосновенія людей. Это одинъ изъ древнѣйшихъ въ мірѣ памятниковъ, которому поклоняются люди и которому никогда, со времени его основанія, не переставали поклоняться.

Дорога, ведущая кругомъ храма, поднимаясь на холмъ, въ извѣстномъ мѣстѣ проходитъ надъ святилищемъ, и тогда взглядъ проникаетъ въ священныя стѣны, и вы видите три минарета, означающіе мѣста трехъ патріарховъ. Средній изъ этихъ минаретовъ, возвышающійся надъ гробницей Авраама, представляетъ безформенный видъ скалы, подъ покрывающими его слоями извести, и кончается гигантскимъ бронзовымъ полумѣсяцемъ. Это-то и есть „поле напротивъ Мамврія“. Силуэтъ, вѣроятно неизмѣненный, противолежащихъ холмовъ долженъ быть таковъ же, какъ и въ тотъ день, когда Авраамъ купилъ у Эфрона, сына Сеора, это мѣсто погребенія. Сцену этой покупки (книга Бытія XXIII, 16) и погребеніе патріарха (книга Бытія XXV, 9) можно возстановить по тому, что происходитъ и въ наши дни между простыми и серьезными пастырями здѣшнихъ мѣстъ. Авраамъ вѣроятно былъ весьма похожъ на патріарховъ долины Бейтъ-Джибрина или равнинъ Газы. Въ эту минуту при наступающихъ сумеркахъ вы чувствуете, какъ за вами, словно изъ бездны, возстаютъ библейскія времена...

„Положите меня съ отцами моими въ двойной пещерѣ, которая въ полѣ Эфрона,— проситъ Іаковъ, умирая на Египетской землѣ,— тамъ былъ погребенъ Авраамъ съ Саррой, женой своей; тамъ же по-

гребень былъ Исаакъ съ Ревеккой, женой своей, тамъ же погребена и Лія (книга Бытія XL, IX, 29, 31).

И это вѣроятно единственный примѣръ въ лѣтописи смерти. Эта гробница, столь простая въ началѣ, не переставала во все время служить мѣстомъ поклоненія, тогда какъ самыя великолѣпныя гробницы Греціи и Египта давно уже находятся въ запустѣніи и пренебреженіи. По всей вѣроятности патриархи и еще множество лѣтъ будутъ мирно покоиться въ этихъ стѣнахъ, окруженные благоговѣйнымъ поклоненіемъ милліоновъ христіанъ, мусульманъ и евреевъ.

Засвѣтло добираемся мы до нашихъ палатокъ у дороги. Тогда проходитъ мимо насъ вся вереница людей и животныхъ, возвращающихся на ночь съ поля: земледѣльцы, достойные и красивые, въ своихъ архаическихъ одѣяніяхъ; пастухи, странно сидящіе на самомъ задѣ своихъ крошечныхъ ословъ; выючныя животныя и стада всякаго рода скота; среди котораго мы видимъ больше всего черныхъ козъ, съ длинными, почти волоочащимися по землѣ, ушами.

Напротивъ насъ, по другую сторону дороги, плещеть фонтанъ, должно быть священный, такъ какъ толпа мужчинъ и дѣтей подходитъ къ нему съ земными поклонами и творить вечернюю молитву.

Ночь здѣсь шумна, какъ въ Газѣ: собаки лаютъ, гремятъ бубенчики нашихъ муловъ, ржутъ лошади, привязанныя къ шатрамъ. А съ вершины минаретовъ несется на землю протяжное, тихое пѣніе вдохновенныхъ муэдзиновъ....

IV.

Среда, 28 марта.

Въ тотъ свѣжій утренній часъ, когда пастухи Геброна выгоняютъ стада въ поле, мы уже на ногахъ. Снявъ палатки, мы садимся на коней среди бѣшащихъ вокругъ насъ черныхъ козъ и козлятъ, бѣгущихъ пастись на далекихъ каменистыхъ холмахъ.

Тихое ясное утро, полное запаха мяты и другихъ ароматическихъ травъ. Мы разбѣянно, совершенно потерявъ сознаніе мѣстности, подвигаемся къ Виелеему, куда придемъ между двухъ и трехъ часовъ дня. Мѣстность похожа на нѣкоторыя бесплодныя части Прованса или Италіи, съ безчисленнымъ множествомъ низенькихъ стѣвъ,

окружающих виноградники и тощія оливковыя рощи. И тутъ же это шоссе, которое путаетъ наши понятія, и къ которому мы еще со вчерашняго дня не успѣли привыкнуть. Затѣмъ насъ забавляютъ костюмы, которые мы надѣли сегодня въ послѣдній разъ, и которые мистифицируютъ двѣ компаніи туристовъ агентства, направляющихся въ Гебронъ. Между тѣмъ, какъ они смотрятъ на насъ, принимая насъ за шейховъ, ихъ проводникъ-сиріецъ объясняетъ имъ, что мы „мохраби“, т.-е. люди того неопредѣленнаго мохреба (запада), который для арабовъ Палестины начинается Египтомъ и кончается Мароко. И дѣйствительно, по эту сторону пустыни большія покрывала изъ бѣлой шерсти, въ которыя мы закутаны, не носятъ, и по нимъ тотчасъ же узнаютъ знатныхъ паломниковъ изъ западныхъ странъ.

Серьезное настроеніе, приобретенное нами только что пройденными мѣстностями, на минуту разсѣвается при появленіи туристовъ въ современныхъ костюмахъ и экипажахъ. Мы пробуждаемся отъ нашей наивно-высокой мечты, мы падаемъ съ высоты настроенія и становимся простыми „Куками“, только еще испорченными этой дѣтской маскарадною прихотью, отъ которой намъ вдругъ становится неловко.

Между тѣмъ мѣстность мало-по-малу принимаетъ особенный, глубоко меланхолическій видъ. Виноградники, оливковыя рощи, низенькія стѣны исчезли. Ничего кромѣ кустарниковъ и камней, кое гдѣ перемѣшанныхъ съ асфодалями, краеными анемонами или розовыми цвѣтами. Небо затянулось свѣтло-сѣрымъ туманомъ, сначала призрачнымъ и тонкимъ, но постепенно все болѣе и болѣе густѣющимъ. Темнѣетъ; время, когда попадаютъ туристы, осматривающіе или, по техническому выраженію, „дѣлающіе“ сегодня Гебронъ, прошло, и мы встрѣчаемъ лишь длинныя и медленно двигающіяся вереницы верблюдовъ или группы красивыхъ и строгихъ арабовъ на коняхъ; они обмѣниваются съ нами привѣтствіемъ, „саломомъ“, и важно проходятъ мимо.

Становится все темнѣе подъ этимъ сгущеннымъ туманомъ, не похожимъ ни на облако, ни на обыкновенную мглу, ни на дымъ, но на что-то особенное, въ родѣ тумана, окутывающаго видѣнія.

Теперь — ничего кромѣ камней. Послѣдніе колючіе кустарники исчезли. Почва совершенно каменистая, и на ней лежатъ или высятся

громадныя каменныя глыбы. И въ этой столь древней странѣ едва отличаешь настоящія скалы отъ остатка чловѣческихъ построекъ, отъ развалинъ церквей или фортовъ, кургановъ и могилъ, составляющихъ одно цѣлое съ горами. Время отъ времени попадаются частью заваленныя отверстія гробницъ по краямъ дороги, по которой мы задумчиво идемъ, снова найдя прежнее сосредоточенное настроеніе, проникнутые какимъ-то неизреченнымъ страхомъ при приближеніи къ этимъ мѣстамъ, которыя все еще называются Вифлеемомъ и Іерусалимомъ.

Все болѣе печальная и пустынная Палестина развѣртывается въ своемъ безконечномъ безмолвіи. За исключеніемъ этой уравненной дороги, это та же пустыня камней и цикламеновъ, но менѣе ярко освѣщенная и болѣе сѣвернаго характера, нежели та, откуда мы пришли. И большія безформенныя развалины, остатки храмовъ, части стѣнъ церквей крестоносцевъ смотрятъ на обширную и печальную равнину, удивляясь ей теперешнему запустѣнію. Свидѣтели навсегда погибшихъ вѣрованій, они словно ждутъ какого-то пробужденія, которое снова привлечетъ въ святую землю народы и арміи. Но времена эти прошли безвозвратно, и взоры людей направлены теперь къ странамъ запада и сѣвера, гдѣ готовятся въ будущемъ новые, леденящіе ужасы. И эти развалины никогда не подымутся; никто уже не приходитъ въ Палестину, исключая послѣднихъ одиночныхъ и рѣдкихъ паломниковъ или же извѣстнаго сорта блазировавшихся и любопытствующихъ людей, профанирующихъ эти мѣста хуже сарациновъ и бедуиновъ.

Туманъ, наполняющій пространство, все болѣе затемняетъ солнце, котораго скоро становится не видно совсѣмъ; онъ какъ-то ступевываетъ все болѣе отдаляющіеся предметы. Каменные холмы, одинаковаго лиловато-сѣраго цвѣта съ небомъ, становятся все выше и выше, но контуры ихъ все такъ же однообразно округлены и такъ мягки, что ихъ иногда не отличишь отъ облаковъ. Въ долинахъ и на вершинахъ почва одинакова: это однообразныя каменные пласты съ безчисленнымъ множествомъ маленькихъ дырочекъ, напоминающихъ по формѣ и колориту кору пробковаго дерева. И вездѣ все то же, ступеванное туманомъ, который часъ отъ часу становится гуще. Свѣтло-сѣрое небо и свѣтло-сѣрая страна безъ одинаго деревца. Среди однообразія пустыни кое-гдѣ развалившіеся пастушьи хижинки выдѣляются сѣро-розоватыми пятнами. Въ этой однотонности наши души какъ бы предчувствуютъ близость святыхъ мѣстъ. Весь прошлый міръ, все личное дѣтство и весь

атавизмъ вѣры мгновенно воскресаютъ въ нашихъ сердцахъ въ то время, какъ мы, молча, съ опущенной головой и, глядя на цикламены и анемоны, растущіе вдоль дороги, подвигаемся впередъ. Горы бросаютъ на все таинственные тѣни, неровныя сумерки измѣняютъ пропорціи предметовъ, глубокая тишина царитъ въ скалистыхъ ущельяхъ, гдѣ слышенъ лишь топотъ нашихъ коней.

И вдругъ, вонъ тамъ въ вышинѣ предъ нами, на вершинѣ одной изъ отдаленныхъ свѣтло-сѣрыхъ горъ, появляется крошечный, сѣроватопрозовый городокъ, неопредѣленныхъ очертаній и цвѣта. Онъ, словно миражъ, стоитъ какъ будто слишкомъ высоко надъ глубиной, по которой мы идемъ. Это кубическія постройки изъ розоватаго камня съ нѣсколькими минаретами мечетей и колокольнями церквей. Нашъ проводникъ-арабъ широкимъ медленнымъ жестомъ показываетъ туда и говоритъ: Виелеемъ!

О, Виелеемъ! Такимъ еще волшебнымъ обаяніемъ окружено это имя, что глаза наши заволакиваются слезами. Я удерживаю лошадь, чтобы остаться позади, такъ какъ чувствую, что плачу, смотря на внезапное видѣніе. Изъ глубины нашего темнаго ущелья этотъ городокъ тамъ, на вершинѣ, словно на облакахъ, кажется горнимъ селеніемъ и послѣднимъ убѣжищемъ!.. Такъ неожиданны эти слезы; но такъ неудержимы, такъ искренни и такъ сладки: это послѣдняя молитва, которую человѣкъ не можетъ выразить словами, послѣднее преклоненіе у ногъ потеряннаго Утѣшителя...

Мы должны сдѣлать полуденную остановку въ долинѣ около цистерны царя Соломона и лишь въ три часа войдемъ въ Виелеемъ, который теперь исчезъ за поворотомъ горы.

Въ низинѣ, печальной и заброшенной, какъ вся Палестина, мы встрѣчаемъ эти цистерны, роскошныя бассейны, когда-то снабжавшіе лѣтній дворецъ Экклезіаста. Уже цѣлыя тысячелѣтія, какъ все исчезло: дворцы, сады, деревья — и теперь здѣсь только пустыня, покрытая камнями и златоцвѣтомъ.

Однако, большая, величественная руина возвышается около резервуаровъ: четырехугольникъ зубчатыхъ сарацинскихъ стѣнъ, на всѣхъ углахъ котораго высятся чотыре, также зубчатые, башни. Подъ блѣднымъ полуденнымъ солнцемъ, едва проникающимъ сквозь лиловатосѣрый туманъ, двѣ изъ этихъ стѣнъ кажутся розовыми, а двѣ другія, —